

ХОНКАКУ-ДЕТЕКТИВ

СОДЗИ СИМАДА

ДЕРЕВО-ЛЮДОЕД
С ТЕМНОГО ХОЛМА

МОСКВА
2024

УДК 821.521-312.4
ББК 84(5Япо)-44
С37

Soji Shimada

KURAYAMIZAKA NO HITOKUI NO KI

Kaitei Kanzenban Kurayamizaka no Hitokui no Ki © 2021 Soji Shimada. All rights reserved. First published in 1994 in Japan by Kodansha Ltd., Tokyo. Publication rights for this Russian edition arranged through Kodansha Ltd., Tokyo

Симада, Содзи.

С37 Дерево-людоед с Темного холма / Содзи Симада ; [перевод с японского Т. С. Шерегеда]. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с. — (Хонкаку-детектив).

ISBN 978-5-04-197163-2

В окрестностях Йокогамы на Темном холме Кураями высится древнее дерево — камфорный лавр. Когда-то там стояла тюрьма, где часто казнили преступников. Местные говорят, эта земля так пропиталась кровью, что древний лавр был вскормлен самой смертью — и стал... людоедом. Они могут рассказать жуткую историю о том, как 40 лет назад в его кроне нашли страшно изувеченное тело маленькой девочки. А внутри дерева иногда доносятся крики и плач... В народе это место называют проклятым.

...Когда сыщик и предсказатель Киёси Митарай прочитал в газете, что рядом с лавром нашли тело мужчины, умершего при крайне странных обстоятельствах, он немедленно взялся за расследование. Ведь такого странного дела в его практике еще не было. Его друг, писатель и художник Кадзуми Исиока, сильно сомневается в успехе. Как же можно раскрыть преступление, в котором задействованы потусторонние силы? Однако Митарай верит в себя — и в свой метод...

УДК 821.521-312.4
ББК 84(5Япо)-44

© Шерегеда Т. С., перевод
на русский язык, 2022
© Издание на русском языке,
оформление . ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-197163-2

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ: СЕНТЯБРЬ 1984 ГОДА

Джеймс Пэйн (время и место рождения
неизвестны)

Ятиё Фудзинами, 61 год, род. в 1923 году,
разведена с 1970 года; живет в доме Фудзинами

Родные дети:

Сын Таку, 38 лет, род. в сентябре 1946 года;
Фудзинами Хэйм, квартира 401

Сын Юдзуру, 37 лет, род. в 1947 году; Фудзинами
Хэйм, квартира 301

Дочь Рэйна (Леона Мацудзаки), 21 год, род.
в 1963 году; Фудзинами Хэйм, квартира 501

Икуко — жена Таку, женаты с 1976 года

Тэруо Мицумото, 52 года, род. в 1932 году,
второй муж Ятиё (с 1974 года); живет в доме
Фудзинами

Миюки Мицумото, 16 лет, род. в 1968 году, дочь
от первого брака Тэруо; живет в доме Фудзинами

І. Пролог. 1945 год. Шотландия

Шел апрель. Вдали от Японии, в горах на окраине деревни Фойерс в Шотландии, что на севере Британских островов, мужчина в одиночку неустанно строил причудливый дом.

Сперва он строил его вместе с отцом, втайне от жителей деревни выкладывая кирпичи по периметру стального каркаса, но, состарившись, отец решил поручить отделку сыну, удалившись спокойно доживать свои дни в деревенском доме у всех на виду, — поэтому жители деревни и не подозревали о строительстве тайного жилища в горах.

У необычного дома не было ни единого окна, хотя с вершины холма открывался прекрасный вид: стоя у входа, сквозь рощу буковых деревьев вдалеке можно было разглядеть вытянутое озеро.

В столь туманном регионе озеро можно было увидеть лишь в течение нескольких солнечных дней в году, но тогда оно было подобно блестящему ожерелью, достойному королевы, — сияло так, словно в его воде были спрятаны бриллианты, а стоило закатному солнцу опуститься, как его поверхность становилась золотой.

Мужчина не хотел, чтобы жители деревни, находящейся в получасе ходьбы от озера, знали о его секретном жилище, поэтому строил его глубоко в лесу, в удалении от горной дороги. Он намеренно выбрал заросли буковых деревьев, сквозь которые даже с воздуха невозможно было что-либо разглядеть. Мужчина осмотрительно не прокладывал дорогу к единственному входу — чтобы не протоп-

тать ее по склону холма. Снова и снова приходя к дому, он специально каждый раз подбирался к нему с разных сторон.

Мужчина был застенчивым и скрытным, поэтому не очень ладил с жителями деревни. Особенно тяжело ему давалось общение с женщинами — единственными его подругами могли стать разве что девочки лет десяти.

Мужчина был еще молод, ему только исполнилось тридцать, но он не испытывал нужды в деньгах — в Лондоне, большом городе на юге, у него была своя фирма, которой он управлял вместе с приятелем. И мог, не раздумывая, тратить любые суммы на подарки для знакомых детей.

Устав от строительства дома, мужчина, бывало, спускался с холма к озеру, чтобы отдохнуть. Каждую субботу туда на велосипеде приезжала девочка Клара, что жила вместе с матерью в деревне Даллес в десяти километрах отсюда. Она собирала редкие цветы, что росли у озера, чтобы к возвращению отца из города Инвернесс воскресным утром поставить их у окна.

Мужчина был поражен красотой девочки. Ее блестящие золотистые волосы вились, пушок на щеках и на шее также отливал золотом на солнце, даже ее длинные ресницы казались золотыми. У Клары была белоснежная кожа, нежные розовые губы и большие зеленые глаза, как у многих девушек этой северной страны.

Подружившись с девочкой, мужчина каждую субботу, прихватив с собой подарки и разнообразные угощения, отправлялся на встречу с ней на поляну у озера. И девочка со временем тоже стала с нетерпением ждать этих встреч.

Но мужчине этого казалось мало. Девочка была так мила и притягательна, что он хотел обнять ее и не отпустить, мирно спать рядом с ней... казалось, он был готов съесть ее.

Поэтому однажды мужчина убил Клару прямо в том самом лесу — он не мог даже подумать о том, чтобы попро-

щаться с ней до следующей субботы. Час разлуки приближался, а он не готов был с ней расстаться.

Утопив велосипед Клары в озере, он забрал ее тело, теперь принадлежавшее лишь ему одному, в свой секретный дом, что он строил на склоне холма. Той ночью он спал в обнимку с бездыханным телом девочки.

На следующий день он захотел еще крепче обнять златовласую головку Клары, поэтому отделил ее от туловища. Прижав голову к себе, он снова и снова гладил ее по волосам, целовал ее холодные щеки.

Затем он снял с нее всю одежду, разрезал ее живот и вынул все внутренние органы. Мужчина страстно хотел узнать ее секрет — понять, что же именно так привлекало его в этом маленьком незащищенном существе. Он полагал, что, изучив все ее части и потаенные места, он сможет понять, чем она так очаровала его.

Однако, чем дольше и тщательнее он рассматривал ее тело, тем меньше понимал причину своей страсти. Разделенное на маленькие отдельные кусочки плоти, оно все больше походило на тушки кроликов или собак, не вызывавших у него особых чувств.

Тогда мужчина, используя нож, с большим трудом вынул зеленые глаза девочки. Ведь, возможно, именно в них крылась причина его безумия?

На какое-то время это его удовлетворило. Он был счастлив петь и танцевать в одиночестве, бережно держа глазные яблоки Клары в руках, но постепенно улыбка стала исчезать с его лица — чистые зеленые глаза, так привлекавшие его своей красотой, помутнели и потеряли цвет.

Впав в уныние, мужчина полдня просидел без дела. Однако было необходимо как можно быстрее закончить строительство дома, чтобы успокоить отца. Кроме того, труп девочки, пропавшей без вести, нельзя было оставлять вот так — ее родители и полиция могли заявиться к нему, ведя поиски.

Мужчина решил спрятать останки в стене дома, который он строил. Стоит залить тело цементом — и о нем никто никогда не узнает!

Сперва мужчина смешал с цементом всю кровь, вытекшую из тела девочки. Затем пригвоздил ее останки к северной стене дома — он заново собрал ее тело из частей, постаравшись установить его вертикально, а голову присоединил к телу, намотав волосы на забитые в стену гвозди. Ему хотелось повторить особенно полюбившуюся сцену: прекрасная Клара, стоящая одна среди цветов на берегу озера.

Разместив тело девочки таким причудливым образом, мужчина отступил назад, чтобы хорошенько все рассмотреть. Он был впечатлен, уловив загадочную, странную красоту в открывшемся ему зрелище: девочка стала похожа на искусно изготовленную куклу, неживую и неспособную двигаться, но все же прекрасную. Она была подобна пригвожденной к стене бабочке с распростертыми крыльями, во много раз более впечатляющей, чем живая бабочка, летающая в поле.

Мужчина остался доволен результатом. Целый день он любовался Klarой, а потом принялся заливать ее останки цементом. Один толстый слой за другим, тщательно и аккуратно, пока труп девочки окончательно не пропал из виду.

Минуло десять лет, и беспорядки мировой войны утихли. Полицейский из деревни Даллес тщетно пытался выяснить, куда исчезла Клара, каждую субботу ездившая на озеро за цветами. Снова и снова прочесывая окрестности, он наконец нашел дом мужчины, скрытый глубоко в лесу.

Странный дом на склоне холма удивил полицейского. Зайдя внутрь, он был ошеломлен: в доме без единого окна царил крошечная тьма.

Обшарив весь дом с фонариком, полицейский не обнаружил ни единого намека на тело девушки.

Отчаявшись, он вернулся в Даллес и той же ночью, лежа в постели, вдруг подумал о той стене, где могли быть спрятаны останки.

На следующий день, прихватив с собой товарищей, полицейский вернулся в таинственный дом, чтобы разломать цемент в северной стене.

Но как же обстояло дело? Тело девочки попросту исчезло! Кто-то действительно спрятал тело Клары в стене давным-давно, но за десять лет оно окончательно испарилось, подобно дыму.

Однако полицейский из деревни Даллас не догадывался об этом, поэтому, пробив дыру не только в северной стене, но и в остальных трех, он, разочарованный, вернулся восвояси, коря себя за ошибку.

В конце концов пропавшую Клару так и не нашли, а похитивший ее преступник остался непойманным. Преступление не было раскрыто, и никто из людей, не раз тщетно пытавшихся разгадать эту запутанную загадку, так и не смог узнать ответ.

II. 1984 год. Станция Басямити

Шел сентябрь 1984 года. Лето только закончилось, а в воздухе уже разливались освежающие запахи осени. В то время в Йокогаме частный детектив Киёси Митараи был никому не известен, поэтому дома у нас клиенты не появлялись. Заказов на расследования совсем не было: стоило появиться хоть какому-нибудь интересному заголовку или газетной статье, как Митараи, казалось, был готов сам выйти на улицы и начать разноухивать. У меня тоже было довольно много свободного времени.

Возможно, дело было в обыкновенной осенней хандре, но в тот год я почувствовал себя особенно одиноким — не приглашая никого из друзей, бесцельно бродил в одиночестве по улицам Йокогамы, берегу моря и старым склад-

ским районам. Я мог часами рассеянно наблюдать за волнами, приближающимися к каменной набережной у моих ног, за опавшими листьями, покрывавшими поверхность воды, за струйками фонтана, неуклонно поднимавшимися, чтобы обрушиться вниз.

Вспоминая о том времени, я думаю, что был подавлен и испытывал некоторую ностальгию, возможно, из-за отсутствия в моей жизни любимой женщины. Слово «ностальгия» верно лишь отчасти — ведь Йокогама сперва была, так сказать, местом, вызывавшим именно горькие воспоминания. Стоило моему другу заговорить о переезде в Йокогаму, как я готов был кричать, что поеду куда угодно, только не туда.

Со временем мои душевные раны затянулись, и места, куда, как я думал, больше не смогу ступить при жизни, стали производить совсем иное впечатление — я был удивлен, как скоро смог спокойно ходить по дорогам вдоль городского канала и рядом с главным иностранным кладбищем. Подобно тому, как алкоголь из горького пойла, от которого воротить нос, постепенно превращается в сладкий нектар, эти места, порождавшие болезненные воспоминания, стали вызывать у меня теплые чувства.

В конце концов, я был очень благодарен Митараи, заставившему меня переехать в этот район, — без этой шоковой терапии я, возможно, не смог бы до конца своих дней даже приблизиться к Йокогаме.

Однако это была не единственная причина, по которой осенью 1984 года я бесцельно бродил по улицам. Сейчас я осознаю, что, возможно, чувствовал себя одиноким, потому что в кругу моего общения вообще не доставало женщин — чем старше я становился, тем отчетливее ощущал страх одиночества. Подсознательно я ждал, что, гуляя вот так по старым улицам этого приморского города, я встречу женщину — фантазия, порожденная прочитанными мной романами. Я был так молод тогда, что попросту не мог этого осознать.

Кроме того, я всегда страшно завидовал своему другу. Митарай словно существовал вне рамок обыденности — ни отсутствие женщины, ни однообразная повседневность не волновали его; не было даже видимости того, что он тосковал по любви.

Я мог дни напролет проводить в кресле, читая журналы или рисуя карикатуры, в то время как он спорил сам с собой о том, меняется ли вес волчка, если вращать его по часовой стрелке, а не против¹. Или же посреди рассказа о пяденицах², ползущих наперегонки по поверхности листа, он мог вдруг громко запеть непонятную песню на иностранном языке и удалиться к себе в комнату.

Видя друга в таком состоянии, я стал еще глубже впадать в депрессию и все чаще слонялся по городу, не желая возвращаться домой.

Однажды вечером, когда мой друг был занят уборкой, а я в одиночестве слушал музыку, зазвонил телефон.

Звонки крайне редко предназначались мне, поэтому я сперва окликнул Митарай, чтобы тот поднял трубку, но он,

¹ Речь идет о так называемом гироскопическом эффекте, который заключается в изменении веса вращающихся гироскопов (волчок, по сути, является простейшим гироскопом), причем в зависимости от направления вращения гироскопа происходит либо уменьшение, либо увеличение его веса. Это явление было открыто в 1958 г. физиком Н. Козыревым и впоследствии подтверждено другими исследователями.

² Пяденицы, или землемеры (*Geometridae, лат.*), — обширное семейство бабочек. Больше, чем бабочки, характерны гусеницы: они тонкие, длинные, с неразвитыми передними парами брюшных (ложных) ног, так что ложные ноги обыкновенно имеются всего в числе двух пар — на 7-м и 9-м кольце брюшка. Благодаря этому гусеницы ползают весьма своеобразно: укрепившись грудными ногами, гусеница изгибает среднюю (безногую) часть тела петлеобразно вверх и придвигает брюшные ноги к грудным; затем, укрепившись ложными ногами, вытягивает тело вперед, снова укрепляется грудными ногами и т. д. Таким образом ползущая гусеница как бы измеряет проходимое ею пространство пядью или землемерной цепью.

похоже, не услышал, полностью поглощенный мытьем посуды после ужина. Я был вынужден подняться и ответить.

— Алло, это дом господина Исиока? — вежливо спросил тихий женский голос.

Меня обычно не называли по фамилии «Исиока». К осени 1984 года я написал только две книги о работе Митараи, но даже его имя было куда известнее моего. Честно говоря, и теперь по фамилии меня мало кто зовет, разве что мои редакторы да собеседники помладше.

Кроме того, я никак не ожидал телефонного звонка. Что-то в этом женском голосе показалось мне странным, и я взволнованно задрожал.

— Верно, — ответил я неуверенно.

— Вы — Кадзуми Исиока? — спросила женщина.

— Это я.

Стоило мне ответить, как голос продолжил:

— Я — ваша преданная поклонница. Хотела бы узнать, можем ли мы как-нибудь встретиться за чашкой чая...

Ее слова меня ошастливили.

— Что ж, премного благодарен. У меня сейчас довольно много работы с книгами — заказы на иллюстрации, которые нужно закончить на этой неделе, — но, возможно, на следующей неделе мы могли бы...

В 1984 году я еще занимался иллюстрацией.

— А мы не могли бы увидеться раньше? Мне неловко вас торопить...

— Что ж, тогда в воскресенье...

— А пораньше?

— ...в субботу...

— ...раньше?

— ...в пятницу?

— Как насчет завтра? Мне очень неловко просить, но я как раз свободна завтра...

— Нет, не стоит... Завтра? Ну хорошо.

— Простите, пожалуйста! А в котором часу?

— Когда вам будет удобно?

Я был крайне взволнован предстоящей встречей с незнакомой женщиной.

— Я встречу с вами в любое время.

Ее голос звучал спокойно, но настойчиво.

— А где вы живете?

— В Исэдзаки-тё.

— Исэдзаки-тё? Это же совсем рядом!

— Да, поэтому я читаю все ваши книги. И иллюстрации тоже люблю...

— Благодарю. Тогда как насчет пяти часов вечера? Я прогуляюсь до Исэдзаки-тё.

— Простите, но можно в три часа?

— В три? Что ж... Наверное, да, могу. Куда мне подойти в три часа?

— Господин Исиока, вы женаты?

— Женат? Нет.

— А дети?

— Нет.

Затем мы поговорили о зодиаке и прогнозах. Митарай немного обучил меня разным способам толкования гороскопов, поэтому по опыту я знал, что женщина, вероятно, будет рада поговорить о любом гадании.

Она оказалась Скорпионом, и, сперва запутавшись в годе рождения, призналась, что родилась в конце 1951 года. Я повесил трубку в приподнятом настроении. Отправился на кухню, чтобы заварить чай, как будто желая налить и ей чашку. Впервые с самого моего рождения мне позвонила поклонница моих книг, моя поклонница!

— Кто звонил? — спросил меня вытиравший посуду Митарай, когда я уже собирался ставить чайник на огонь.

— Читательница. Призналась, что она — моя поклонница и хотела бы встретиться, — ответил я, будто пропев себе под нос.

Митарай вытер руки и переспросил:

— Хотела бы встретиться?

Полчаса спустя он, совсем как англичанин, держа блюдце в левой руке и поднося чашку к губам правой, уточнил:

— Значит, завтра?

Я подтвердил и пересказал ему недавний телефонный разговор.

Митарай поставил чайную чашку на стол и облокотился на спинку кресла. Он холодно смотрел на меня, нахмурившись и приподняв правую бровь. Его губы исказились в усмешке, правый уголок рта пополз вверх.

Такое выражение лица я видел только у Митарай — всякий раз, когда он искренне считал собеседника идиотом.

— Опыт — лучший учитель¹. Поэтому, Исиока-кун, сейчас я, пожалуй, промолчу.

Произнеся лишь это, он принялся обсуждать со мной недостатки системы здравоохранения — тему, волновавшую нас обоих. Хотя, признаюсь, я его не особенно слушал.

* * *

На следующий день я отправился к назначенному времени в кофейню в Исэдзак-тё, на встречу с позвонившей мне женщиной. Обнаружив, что она еще не пришла, решил подождать ее, достав принесенный с собой журнал. Был ветреный и холодный вторник. Сквозь окно кафе я мог наблюдать за людьми, идущими по каменному тротуару у торгового центра Исэдзак-тё: их теплая одежда с длинными рукавами была наглухо застегнута, но они, похоже, все равно мерзли.

После двадцати минут ожидания я решил несколько раз обойти небольшой торговый центр. Женщина упомянула, что видела мое лицо на обложке книги и сможет узнать меня, придя на встречу.

¹ В оригинале японская пословица, буквально «нет учителя красноречивее опыта».

— Простите, Исиока-сэнсэй¹? — спустя полчаса ожидания раздался надо мной женский голос, и я поднял глаза от журнала. Передо мной стояла симпатичная пухленькая молодая женщина.

Я поспешно поднялся, а она коротко поклонилась мне и села напротив.

— Сэнсэй, вы выглядите намного моложе, чем на фотографии!

У нее была светлая кожа и большие выразительные глаза, розовая помада и ямочки на щеках, появившиеся, стоило ей улыбнуться.

— О, правда? — переспросил я.

Она достала из сумочки экземпляр «Дома кривых стен»², вышедшего совсем недавно, положила на стол и попросила его подписать. Я торопливо расписался своей любимой ручкой.

— Так жаль, что я не знала о другой вашей книге, той, что про зодиак, — смеясь, протараторила она.

Я был удивлен. «Токийский зодиак»³ был куда известнее «Дома кривых стен» — многие читатели приняли его лучше, а о следующей книге даже не слышали. Впервые все было наоборот. Может, она и не поклонница вовсе?

— А сколько денег получает Исиока-сэнсэй после издания книги? — вдруг спросила женщина

— Десять процентов от выручки с продаж, — ответил я.

— Всего десять процентов? — удивленно спросила она, округлив глаза.

— Да, десять.

¹ Сэнсэй — буквально «учитель» — вежливое обращение к представителям некоторых, преимущественно интеллектуальных, профессий — учителям, врачам, писателям и т. д.

² Первый роман (1981) С. Симады в цикле о сыщике Киёси Митаран.

³ Второй роман (1982) С. Симады в цикле о сыщике Киёси Митаран.

- А гонорар за рукопись?
- Книга издана недавно, поэтому я пока не получаю за нее денег.
- Вот как... — Она, кажется, была разочарована.
- Гонорар за рукопись перечисляет журнал, если, например, перед выходом книги печатает у себя отрывок, совсем как статью. Это гонорар от журнала.
- Вот как... — Ее тон не изменился.
- Верно.
- Сколько же вам может заплатить журнал?
- А?
- Сколько платят автору за одну страницу?
- Я не смог удержаться от смеха.
- Хотите стать писателем?
- Нет, просто хочу вас расспросить.
- Ну, в моем случае это около трех тысяч йен.
- Три тысячи йен... значит, если напишете сто страниц, то это триста тысяч йен...
- Да.
- Вы же сможете написать сто страниц в месяц, верно?
- Ну, смогу, наверное.
- Хм... — Она задумалась.
- Простите, но я не знаю ваше имя...
- О, правда? Извините. Меня зовут Мариико Мори.
- Мори-сан, а вы пишете?
- Пишу? Ну, разве что эссе...
- А романы?
- Романы — это слишком. Я знаю, у меня нет таланта.
- Неужели?

Мы говорили еще какое-то время. Похоже, Мариико ничего не знала о моих работах в еженедельных журналах или последних иллюстрациях. Все сводилось к тому, что она прочла «Дом кривых стен» и обратила внимание на то, что я жил недалеко от ее дома, вот и всё. А ведь сперва мне

показалось, что она мечтает стать писателем и пришла расспросить меня о реалиях литературного бизнеса...

— Вы работаете?

— Да, в универмаге «Сэкигути» здесь, в Йокогаме.

— В универмаге?

— Да, в отделе женской одежды. Сегодня у меня выходной.

— Должно быть, там хорошо и весело?

— Сэнсэй, вы меня так испугали! Когда я опоздала, вы разозлились и сделали такое страшное лицо...

— Что? Нет, не может быть! Простите, если вам так показалось.

— Я — единственный ребенок, сейчас живу с пожилыми родителями, они тоже зависят от моего дохода...

— Хм...

Я подумал, что она слишком быстро меняет тему разговора.

— Господин Исиока, вы сейчас встречаетесь с кем-нибудь?

— Встречаюсь? Вы имеете в виду с женщиной?

— Да.

— Нет.

— А что насчет бывшей любовницы или жены?

— Нет таких.

— Ясно.

— А вы замужем?

— Нет.

Затем мы перешли к зодиаку. Я не смог ответить подробно, что в этом году ждет Скорпиона, родившегося в 1951 году, но, вспомнив, как и что в таких случаях обычно говорил Митараи, пробормотал что-то уместное.

Когда Марико спросила, какова ее совместимость со мной, рожденным 9 октября 1950 года, я понятия не имел, что ответить, но, не желая обидеть ее, заключил, что я — довольно хороший партнер. Тогда она вдруг спросила,

подходит ли ей сентябрьский мужчина 1946 года рождения.

Вопрос звучал как заранее заготовленный, и я решил, что речь, должно быть, идет о ее нынешнем мужчине.

— Мы уже расстались, — ответила она. — Встречались какое-то время, но ничего не получилось.

— Не сошлись характерами?

— Это плохо?

— Ну, я бы не сказал...

Решив, что дальше расспрашивать неприлично, я сменил тему. Еще немного поболтав ни о чем, мы решили переместиться в заведение, где подавали пиво и легкие закуски.

Заняв один из круглых столиков, стоявших в просторном помещении бара, мы заказали по стакану пива. Стоило им наполовину опустеть, как язык у Марико окончательно развязался, и она поделилась подробностями.

Мужчину 1946 года рождения, с которым она встречалась, звали Фудзинами Таку; он жил в многоквартирном доме, что был построен на месте американской школы в районе Тобэ-ку. Решив купить себе небольшую машину, она отправилась в сервисный центр первого попавшегося производителя, находившийся неподалеку от места ее работы. Менеджером, имевшим с ней дело, оказался Фудзинами — так они и познакомились.

Марико не сказала об этом прямо, но парень, кажется, был высокий и довольно красивый. Он был хорошо образован, добр, никогда не лгал ей и многому успел научить. Я спросил, как долго они были вместе, и Марико сказала, что скоро будет семь лет.

— Вы не задумывались о свадьбе?

— Нет; я сразу поняла, что мы не подходим друг другу.

— Почему?

— Он из тех мужчин, что не подпускают к себе близко. Это же обычное дело для умных людей, верно?